

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ СВЕТЛОГО ЧЕЛОВЕКА

(из воспоминаний коллег и друзей В. Гейнца)

Из воспоминаний корреспондента «Moskauer Deutsche Zeitung» Надежды Рунде: «В октябре 2012 года писателю исполнилось 75 лет. К этому времени был издан его последний роман «Als ich gestorben war...». В названии проступают прощальные нотки и мысли об уходе. Но таланты не могут исчезать. Тем более такие...

Виктор Гейнц стоял у истоков создания литературного общества немцев из России... Я горжусь тем, что мне довелось соприкоснуться с ярким многосторонним талантом Виктора Гейнца и посчастливилось общаться с ним в ходе работы над нашими проектами. Для меня это было благодатным временем! Его писательское слово восстанавливало наше поправное национальное достоинство, наше право называться людьми и делало гораздо больше многих политических проектов. У Виктора Гейнца достало сил посвятить читателю всю свою жизнь, без остатка. А нам ещё предстоит вчитаться в его строки и с благодарностью воспринять переданное нам наследие».

Его проза и поэзия, драматические произведения всегда были и останутся гимном свободе, любви, благородству, искренним чувствам.

Когда вдруг гаснет целая Вселенная, общими безликими оценками того, как ярко она светила, обойтись не получается. Слова впервые становятся бессильны в отношении того, кто так виртуозно владел ими, они легким шлейфом уносятся вверх, вслед за ним, оставляя нас в растерянности. И тут мы все, словно по договорённости, погружаемся в смиренное молчание. После стольких слов, подаренных писателем миру, он вдруг становится виновником оглушающей тишины...

Он взял на себя ответственность говорить от лица расстрелянных, сгинувших в сталинских трудовых лагерях немцев, а также от имени многих переселенцев, которых по возвращении на родину ждало очередное разочарование. В его произведениях словно уместилась душа народа. Ему удалось поднять тему российских немцев на такую высоту, с которой зримо и отчётливо проступает натруженная поступь российского немца, «уже в колыбели натянувшего сапоги, поскольку звёзды предвещали ему долгий и тяжкий путь» (из стихотворения Виктора Гейнца «Старик»).

Он говорил правду, обладая необычайно острым ощущением эпохи. После стольких слов, подаренных миру, он вдруг стал виновником наступившей тишины, оглушительной и давящей.

Виктору Гейнцу хватило сил посвятить читателю всю свою жизнь. А нам ещё не один раз предстоит вчитаться в его строки, пережить их и с благодарностью воспринять переданное нам наследие".

Александр Фитц, г. Мюнхен, газета "Русская Германия": "12 июня в Гёттингене перестало биться сердце Виктора Гейнца (Viktor Heinz) – самого, пожалуй, талантливого российско-немецкого литератора из пишущих сегодня на немецком языке.

В равной мере он был талантлив и в прозе, и в стихах, и в публицистике. А

ещё славился добротой, отзывчивостью, гостеприимством, обладая при этом твёрдым, целеустремлённым характером и придерживаясь высоких моральных принципов...

Творческий труд Виктора Кондратьевича не был отмечен высокими правительственными орденами и премиями, но зато был удостоен самой главной писательской награды – любви и уважения тысяч его благодарных читателей".

Анжелика Миллер: «...Оправившись от первого потрясения, стала вспоминать, как в 1990 году пришла работать в республиканскую газету «Deutsche Allgemeine Zeitung». В коридоре у окна стоял и элегантно курил элегантный мужчина чуть за тот возраст, что именуют средним. Все полтора года моего сотрудничества с немецкой газетой Виктор Кондратьевич в любых ситуациях оставался таким - элегантным, сдержанным, интеллигентным. Было в нём, стопроцентном немце, всю свою творческую жизнь писавшем только на немецком, что-то совершенно русско-чеховско-бунинское. Хотя... что значит «что-то»? Это «что-то» имеет определение – талант...»

Светлана Фельде: «Из немецкой газеты я ушла в декретный отпуск, а когда вернулась, то поняла, что ничего от прежнего издания, в котором работали люди, аналогичные Гейнцу, не осталось. Исчез дух творчества, вдохновения. Редакция почти полным составом подалась в Германию. И Виктор Кондратьевич тоже. Мне было жаль, что я не попрощалась с ним. А потому, когда много лет спустя встретила его на литературном семинаре, обрадовалась несказанно. Мы вспоминали о прошлом, ностальгировали о газете «Deutsche Allgemeine Zeitung», о людях, работавших в ней, людях особенных – они были, как говорил Константин Эрлих, редактор «DAZ», основоположниками своеобразной культурно-духовной традиции, которая, основываясь на художественной методологии немецкого классицизма и русского реализма, представляла собой совокупность трёх – немецкой, русской и казахской – составляющих».

Анжелика Миллер: «Когда-то мы разговорились с Виктором Кондратьевичем о поэзии. Это случилось после того, когда я прочитала его перевод стихов Бунина на немецкий. Мне всегда казалось – Бунина нельзя перевести. А Гейнц перевел так, что плакать хотелось. Он сказал тогда примерно так: «Поэзия есть концентрация и передача от человека к человеку позитивной энергии (энергии плюс), которая выражается в предельно сжатом тексте - то есть пользуется большим количеством ассоциативных решений».

Светлана Фельде: «Позитивной энергии этой в нём было – бездна. И ещё он был человеком кристально чистым в творчестве. Ни разу не брался за перевод вещей, идущих вразрез с его внутренней энергией. Несколько лет назад он так и сказал мне, обратившейся с просьбой о переводе рассказов на немецкий: «Если пойму, что мы говорим на одном языке, переведу. Нет – не обессудь...» Я горжусь тем, что Виктор Гейнц согласился перевести мои рассказы».

Анжелика Миллер и Светлана Фельде: «Болезненно ранимый, обострённо чувствовавший несправедливость, верный в любви и дружбе, по-

философски глубокий и в то же время по-детски беспечный, а главное - талантливый и душевно щедрый, он был настоящим Поэтом, и это было его сутью, главным качеством.

У него был безоговорочный авторитет в любой поэтической компании, и хотя «у поэтов есть такой обычай – в круг сойдясь, оплёвывать друг друга», к нему это не относилось. Его любили и уважали, к нему прислушивались. Он любил жизнь, и, по большому счёту, она ему отвечала взаимностью. У него была большая любовь, счастье творчества, хорошие друзья и читатели. Но главное, что сам он – не БЫЛ, он ОСТАЁТСЯ в нашей памяти, в своих стихах и книгах».